

ТРЕНЕР

Культура

МАРИАНА ЗАПАТА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
3-30

Mariana Zapata
KULTI

Copyright © Mariana Zapata, 2015

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© goodman111 / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Иллюстрация на обложке AceDia

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

Перевод с английского *Татьяны Чамата*

Запата, Мариана.

3-30 Тренер Култи / Мариана Запата ; [перевод с английского Т. Чамата]. — Москва : Эксмо, 2025. — 496 с.

ISBN 978-5-04-193314-2

Райнер Култи — звезда футбола. Именно он забил решающий для сборной Германии гол, и именно он зажёл в глазах Сэл страсть к футболу. Его лицо смотрело с экрана и с уймы плакатов, украшавших ее комнату.

Теперь Сэл стала нападающей в женской сборной, и Култи устроился туда тренером. Божественный, несравненный немец, который ведет себя... как последний мерзавец.

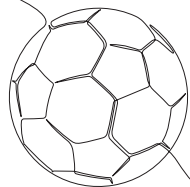
Он был кумиром ее детства, теперь она его ненавидит. Сумеют ли они найти общий язык?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-193314-2

© Чамата Т., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящается папе.
Моему другу, соратнику, сообщнику
и защитнику, на которого всегда можно положиться.
Никакой отец из моих книг с тобой не сравнится.
Люблю тебя.
(Так что хватит лихачить,
не хочу потерять тебя раньше времени.)*

ГЛАВА 1

Я моргнула. Потом еще раз.

— Что ты сейчас сказал?

Мужчина, сидящий за столом напротив меня, повторил просьбу.

Я продолжала смотреть на него в ступоре. Сами слова я слышала с первого раза: говорил он четко и ясно. Разборчиво. Просто они никак не укладывались в голове. Я понимала их по отдельности, но воедино связать не могла — с таким же успехом можно было предложить слепому человеку глянуть на что-нибудь одним глазом.

Короче, бессмысленно даже пытаться.

— Ты мне нужна, Сэл, — продолжил настаивать тренер Гарднер, вот только требовал он невозможного.

Я откинулась на спинку стула и оглядела серебристую седину в его волосах, гладкое лицо без морщин и рубашку поло с логотипом «Хьюстон Пайперс». Несмотря на возраст, давно переваливший за сорок, он оставался красивым мужчиной. Выжившим из ума, правда, но все равно красивым.

Впрочем, Джеффри Дамер¹ тоже был вполне себе привлекательным, так что приятная внешность — не лучший показатель психического здоровья.

«Спокойно, сделай глубокий вдох и возьми себя в руки, Сэл. Соберись».

Для этого мне нужно переключить внимание на что-то другое. Я выбрала стены его кабинета.

¹ Серийный убийца, действовавший в Милуоки (США) с 1987 по 1991 год. (Прим. пер.)

Справа ровным рядом висели дипломы. Помимо них стены украшали фотографии Гарднера с сыном и с командой «Пайперс», снятые за последние несколько лет. Больше всего мне нравилась прошлогодняя — мы тогда выиграли чемпионат Женской профессиональной лиги. Гарднер стоял по центру с кубком Лиги, этой метровой громадиной, и держал его высоко над головой. Я стояла рядом, зажав под мышкой футбольный мяч, и свободной рукой обнимала Дженни, нашего вратаря. У меня дома висела точно такая же фотография: постоянное напоминание, что двадцать лет упорного труда не прошли даром. Еще она мотивировала меня вставать по утрам, когда я сидела на краю кровати в полумертвом состоянии, и отправляться на ежедневную восьмикилометровую пробежку.

— Сэл, — снова обратился ко мне главный тренер команды. — Раньше ты меня ни разу не подводила. Ну что ты, — пожурил он шуточно и мягко, будто давал мне выбор.

Если бы.

От одной только мысли о его просьбе сердце бешено заколотилось. Нервы сдали еще минуту назад, когда он произнес слова «ты» и «пресс-конференция» в одном предложении. А когда к ним добавилось слово «сегодня», мой мозг пожелал мне удачи и окончательно отключился. Не зная, что делать, я тупо уставилась на тренера.

Я. Пресс-конференция. Сегодня.

Уж лучше я вырву зуб с корнем, пожертвую почку и заработаю вечный запор. Seriously.

Вчера вечером я не придавала звонку Гарднера никакого значения. Без колебаний согласилась встретиться с ним в его кабинете в штаб-квартире «Пайперс», чтобы поговорить с глазу на глаз. Знала бы — сослалась бы на отравление или больной живот, но сейчас уже слишком поздно.

Я угодила прямо в его ловушку — как физически, так и эмоционально.

Камеры. Повсюду камеры.

Господи, меня тошнило от одной только мысли.

«Нет. Только не это», — вот что я подумала в первую очередь. Кто-то боится высоты, кто-то — клоунов, темноты,

змей, пауков... Я никогда не высмеивала людей за их страхи. Зато за мой ужас перед камерами и публичными выступлениями меня вечно называли слабачкой. В основном мой собственный брат, но какая разница.

— Хочешь сказать, что не можешь? — Тренер приподнял бровь, всем своим видом показывая, что выбора у меня нет. Он дразнил меня, брал на слабо. В конце концов, это я, а не кто-то другой, сидела в его кабинете в десять утра, потому что он так захотел.

Вот засранец.

Не умею я сдерживаться, у меня давно задрожали бы губы. Может, пришлось даже смаргивать слезы, ведь мы оба прекрасно знали, что я не смогу ему отказать. И я бы не отказала.

Я бы выполнила любую просьбу даже через собственный труп. И он на это рассчитывал. Потому что я, дура, велась на любые подначки. Сломала руку в одиннадцать лет, доказывая, что смогу забраться на дерево, но вовремя отступить так и не научилась.

Мне подумалось, что пора взять себя в руки. «Сменить ползунки на брюки», как часто говорил мне в детстве папа. Сменить «ползунки на брюки», ага. Спасибо, что не «памперсы на прокладки».

— Ладно, — произнесла я с лицом человека, которому только что сделали клизму. — Но... Джи, почему не попросить Грейс? Или Дженни? Сам же знаешь, что обычно это они дают интервью.

Потому что я бегаю от них, как от огня. По крайней мере, пока в зале присутствуют камеры.

— Грейс я не попросил, потому что тебе будет полезно выступить, — объяснил он свое нежелание звать нашего извечного капитана. — А Дженни вернется только в воскресенье.

Я часто заморгала, удерживая внутри завтрак, так и норовящий полезть сразу со всех сторон. Нога затряслась, и в надежде унять дрожь я положила на нее ладонь.

Гарднер мягко улыбнулся и, сцепив руки в замок, перегнулся через широкий стеклянный стол.

— Ты даже не спросила, чему посвящена конференция.

Как будто меня это волновало. Даже если кто-то нашел лекарство от рака — мне глубоко наплевать. Все равно я буду на грани истерики. Пульс подскочил при одном лишь упоминании слова на «к», но я собрала волю в кулак и постаралась ничем не выдать подступающий приступ паники.

— Ну и чему же? — медленно спросила я.

Через полторы недели наша команда начинала предсезонные тренировки, видимо, подсознательно я сразу предположила, что речь пойдет о них.

Едва вопрос слетел с губ тренера, как он заулыбался, широко распахнув карие глаза. А потом наклонился ко мне и сообщил новость, которая ужаснула меня не меньше просьбы поучаствовать в пресс-конференции, может, даже больше. Шестнадцать слов, которые я не была готова услышать. Шестнадцать слов, которые изменили всю мою жизнь, хотя тогда я об этом не знала.

— Мы только что получили подтверждение, что в этом сезоне Райнер Култи займет должность помощника главного тренера, — сообщил Гарднер тоном, говорившим «это лучшее, что только могло случиться».

«Ни черта подобного», — было написано у меня на лице.

Прошла минута, и постепенно его улыбка погасла, а радость сменилась удивлением. Медленно, но верно — точно так же падают башенки в дженге.

Он вопросительно взглянул на меня.

— Чего ты так смотришь?

* * *

Мне было семь, когда я впервые увидела Райнера Култи по телевизору. До сих пор помню его появление. Шел полуфинал Кубка мира — турнира, в котором национальные сборные со всего света раз в три года сражаются за право называться чемпионами. Ни одно спортивное состязание не может сравниться с ним по охвату аудитории.

Но чему удивляться? Футбол — «настоящий», не американский футбол, — всегда считался самым популярным видом спорта во всех уголках планеты. В него играли все: высокие,

низкие, худые, бедные и богатые. Никаких ограничений — нужен только не совсем сдутый мяч и что-то, из чего можно сделать ворота. Банки. Бутылки. Мусорные баки. Что угодно. Неважно, мальчик ты или девочка, есть у тебя форма или нет. Играй хоть без обуви, как говорил папа.

В детстве мой брат был большим фанатом и сам играл в футбол, а поскольку тогда я почему-то считала его самым крутым человеком на свете, лет в шесть я уговорила родителей отдать меня в команду. Маму такое желание напугало, и она попутно записала меня на карате и в бассейн. Но в душе я всегда понимала, к чему на самом деле лежит сердце.

Любовь к футболу передалась мне по папиной линии. Касильясы слыли заядлыми болельщиками, но сами играли мало — все, кроме моего старшего брата, который якобы проявлял интерес и талант к футболу с тех пор, как научился ходить.

Из смутных воспоминаний и папиных рассказов я помню, что перед игрой они с братом спорили, размажут испанцы Германию или нет. А после первого тайма от основного состава немецкой команды почти никого не осталось — их заменили из-за полученных травм.

Эрик, мой брат, был уверен, что Германии конец. Папа считал, что у обеих команд еще есть шанс отыграться.

Я ясно как день помню незнакомого девятнадцатилетнего парня, вышедшего на поле. Это была его первая игра в составе сборной: его не хотели выпускать до последнего, но вариантов уже не осталось. Худой, высокий, гладко выбритый, со светло-каштановыми волосами, которые из-за старого зернистого телевизора казались еще светлее... Еще никогда среди футболистов я не встречала такого молодого и красивого игрока.

Говоря откровенно, Германия должна была проиграть. У них не оставалось шансов. Черт, да в них наверняка перестали верить даже отчаянные фанаты.

Только команде об этом сообщить как-то забыли.

В какой-то момент между отметкой в сорок пять минут, когда начался второй тайм, и отметкой в девять минут, когда закончилось основное время, худой симпатичный паренек,

который был старше меня, но совершенно не выглядел на свой возраст, умудрился отобрать мяч у испанского нападающего и помчался к противоположным воротам. Он бежал и бежал — и каким-то чудом обошел всех противников, пытающихся его остановить.

Он забил самый красивый, самый безжалостный гол в правый верхний угол ворот. Отправил мяч прямым в книгу рекордов.

Папа орал. Эрик вопил. Комментаторы сходили с ума, — да весь хренов стадион подорвался! Никто не ожидал подобного от паренька, который впервые вышел на мировую арену.

Такие моменты поднимают боевой дух. Вроде сам ты ничего особенного не сделал, но ты об этом не думаешь. Тебе кажется, что ты способен на все, просто потому, что кто-то другой на это способен.

И к тебе возвращается вера в чудо.

Я помню, как вопила с отцом в унисон, потому что хотела его поддержать. Но в основном помню, что в тот момент Култи — восьмой номер немецкой сборной, совсем еще юный на вид — стал для меня лучшим игроком года.

Вот так взять и совершить невозможное вопреки всем ожиданиям...

Господи. Теперь-то я понимаю, почему он произвел на меня такое впечатление. Еще бы! Тот гол до сих пор считается чуть ли не лучшим моментом в истории Кубка мира.

Когда я решила связать свою жизнь с полем, двумя воротами и черно-белым мячом? В тот самый момент. Его гол изменил мою жизнь. Я поняла, что хочу быть такой же, как он, — хочу быть героем.

Я посвятила время, душу и тело спорту из-за единственного игрока, которого полюбила всем своим маленьким сердцем, за которым следила и которого поддерживала потом долгие годы. Райнер Култи стал для меня святым, настоящим покровителем футбола. Тот день навсегда изменил его карьеру. Спаситель Германии, главная звезда. За следующие двадцать лет он стал самым лучшим, самым популярным и самым ненавистным игроком на планете.

Ну и, разумеется, до семнадцати лет я безумно от него фанатела: обклеила все стены плакатами и прожужжала всем уши, что обязательно выйду за него замуж.

А когда была совсем маленькая, еще до плакатов и намерения пожениться, я писала ему письма. На цветной бумаге, фломастерами и мелками:

Я ваша самая башая поклонница!

Но ни разу не получила ответ.

Об этом я, конечно, никому не рассказывала.

Да и вообще, я уже десять лет как сорвала плакаты в приступе ярости, ведь Райнер Култи, прозванный фанатами Королем за непредсказуемую и изобретательную игру, посмел жениться.

Вот что он, не знал, что должен случайно встретиться со мной в самолете и тут же влюбиться? Что нас вообще-то ждала свадьба и целая толпа детишек, которые выросли бы гениальными футболистами? Да уж... видимо, он этот момент упустил, потому что женился на какой-то актрисе с огромными сиськами.

Не прошло и года, как он окончательно разочаровал меня своими поступками, и я так его и не простила.

Только Гарднер об этом не знал.

* * *

В ответ на вопрос главного тренера, с которым проработала четыре года, я выпрямилась и пожала плечами. Как я на него смотрю? Без радости?

— Джи, ты ведь в курсе, что он сделал с моим братом?

Я бы не удивилась отрицательному ответу — уж больно он радовался, рассказывая мне про контракт Райнера Култи.

Но Гарднер кивнул и пожал плечами, глядя на меня в замешательстве.

— Да, конечно. Поэтому ты и должна быть на конференции, Сэл. Если не считать Дженни и Грейс, ты самая популярная и узнаваемая в команде. Как там тебя называют, «любимица родного штата»?

«Любимица родного штата». Ну и мерзость. Будто я какая-то старшеклассница, которую выбрали королевой выпускного — хотя на самом-то деле я все праздники пропускала из-за очередного матча.

— Култи сломал...

— Я знаю, что он сделал. Как только стало понятно, что Култи будет с нами работать, мы обсудили этот вопрос с пиарщиками. Не надо превращать сезон в мелодраму. Сделай команде одолжение, Сэл: постой перед камерами, поулыбайся, как ты умеешь. Разве это так сложно? Нам нужно, чтобы люди говорили о команде, а не вспоминали старые разборки. Всего десять минут — ну, может, двадцать. Выйдем втроем, ответишь на пару вопросов, и все. Больше я никогда ничего такого не попрошу, обещаю.

Первая мысль была простой: это Эрик со своей голенью во всем виноваты.

Я с трудом сдержала желание побиться головой о стол, разделяющий нас с Гарднером, и вместо этого погрузилась в пучину ужаса. Даже живот заболел, и пришлось прижать к нему руку, словно это могло помочь. А потом я снова вздохнула и смирилась с жестокой правдой.

Женская лига — она же за семейные ценности, высокую мораль и все самое лучшее. Я это усвоила на собственной шкуре и прекрасно понимала, что хочешь не хочешь, а фарс нужно поддерживать. Серьезно, некоторые бы глотку мне перегрызли, лишь бы оказаться на моем месте. Может, встреча с Култи перед пресс-конференцией — то, что доктор прописал?

Разобраться с ним раз и навсегда и дальше жить своей жизнью. Все равно последние десять лет я не особо следила за его карьерой, а он два года назад ушел из Европейской лиги и совсем пропал из медийной сферы, где до этого вечно крутился благодаря рекламным контрактам. В какой-то момент нельзя было даже в торговый центр зайти, не наткнувшись на очередной постер с его лицом.

— Да поняла я, — простонала я, запрокинув голову к потолку. — Ладно.

— Вот и умничка.

Еще немного, и я бы точно назвала его сраным садистом, который прекрасно знал, в какой истерике я буду сидеть на этой пресс-конференции, но успела вовремя взять себя в руки.

— Очень постараюсь не запинаться и не заблевать журналистов в первом ряду, но ничего не обещаю.

А потом пойду и при первой же возможности хорошенько тресну Эрика по почкам. Будет знать.

* * *

«Давай, Сэл, ты справишься. Ты все сможешь».

В детстве, когда папа просил меня что-то сделать, а я отказывалась — обычно потому, что боялась, как, например, огромных летающих тараканов, которые пробирались в наш дом, — он показывал на меня пальцем и говорил по-испански:

— Si puedes!

«Ты сможешь».

И тогда, рыдая, я вооружалась тапком и шла убивать чудовищ из глубин ада — в общем, делала то, чего совсем не хотела.

«Могу и буду» стало моим девизом по жизни. Мне не нравилось, когда люди во мне сомневались, и неважно, что я сама об этом думала. Гарднер этим воспользовался, а я, разумеется, повелась.

Но ничего. Я справлюсь. Ну побудем мы с Райнером Култи в одном помещении. И что с того, что мы ни разу не встречались? Посидим друг от друга в двух метрах, пообщаемся с телевизионщиками. Всего-то.

Внутри я поджала лапки, как раздавленный паучок, умоляя Вселенную поскорее избавить меня от мучений. Ну боялась я камер, что тут поделать? Такова уж была природа фобий: логике они не поддавались и смысла в них не было. Я понимала, насколько это иррационально и глупо, но по шкале от одного до десяти хреново мне было где-то на пятьдесят.

— Готова? — спросил Гарднер перед началом пресс-конференции. Журналисты за стенкой галдели так, что мне стало плохо. Как я вообще тут оказалась? Передо мной же

было целых две кандидатки, которых можно было пригласить на публичные выступления. До меня очередь обычно не доходила, и неспроста.

На поле меня не пугала многотысячная толпа, но стоило оказаться перед камерой — и я выключалась. Стояла как дурочка, хлопала ртом и жестикулировала, как Рикки Бобби в своем интервью. Наверняка в Интернете нашлось бы какое-нибудь интервью, где я выставила себя полной тупицей. Всего-то и стоило, что запинаться, потеть и трястись одновременно.

Я ощущала себя так, будто только пришла с хорошей пробежки. Потные ладони, мокрые подмышки... дрожащие ноги. Обе. А если у меня трясутся ноги — ничего хорошего можно не ждать.

Но я не собиралась признаваться, что нервничаю. Просто спрятала руки в карманы, натянуто улыбнулась и поблагодарила богов за ниспосланные мне этим утром спортивные, за свободной тканью которых не было видно, что ноги решили пожить своей жизнью.

— Готова, — сквозь зубы соврала я.

Увы, Гарднер хорошо меня знал, а потому вранье чуял издалека. Расхохотавшись, он хлопнул меня по плечу и хорошенько встряхнул.

— Ну ты и развалина! Не дрейфь. Все будет нормально.

Из-за угла выглянула наша пиарщица. Осмотрелась, нахмурилась и снова скрылась за поворотом.

Нет. Я не могу.

«Можешь».

Надсадно закашлявшись, мысленно я продолжила твердить, что справлюсь и что все у меня получится.

А потом за стенкой раздался усиленный микрофоном голос:

— Еще минутку, пожалуйста, — и нога затряслась сильнее.

Господи боже.

— Кажется, меня сейчас вырвет, — пробормотала я себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Все будет хорошо, — сочувственно улыбнувшись, заверил Гарднер.

Я откашлялась и кивнула, мысленно умоляя себя успокоиться. Пару раз быстро вдохнула, выдохнула, а потом набрала в легкие воздуха и задержала дыхание, как обычно делала, когда была на взводе перед игрой.

Ага, хрен там. Не помогло.

Я сглотнула, борясь с подступающей тошнотой.

— А он вообще где? — спросила я.

Гарднер огляделся, будто сам удивился вопросу.

— Слушай, не знаю. Может, ждет в другой комнате?

Долго гадать не пришлось, потому что секунду спустя вернулась пиарщица, которая заглядывала раньше, и мрачно произнесла:

— У нас проблема.